

Brandner, Aleš

**Osobnosti vyrazeníja kategorii roda u oduševlenných
suščestvitel'nych v ruskom i češskom jazykach**

*Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada
jazykovědná. 2003, vol. 52, iss. A51, pp. [13]-24*

ISBN 80-210-3151-4

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100022>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

АЛЕШ БРАНДНЕР

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ РОДА У ОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Грамматическая категория рода присуща не только именам существительным, но и именам прилагательным, местоимениям и, отчасти, числительным. Самостоятельной, независимой категорией она, однако, является лишь у имен существительных. Все существительные, за исключением тех, которые употребляются только в формах множественного числа (*pluralia tantum*), распадаются на три формальных класса, известных под именем грамматических родов: мужской, женский, средний. Эти классы имеют обозначение и выражение в форме именительного падежа, в некотором количестве особых падежных окончаний для каждого из них и в формах суффиксального словообразования.

Грамматические формы рода могут отражать конкретные половые различия, т. е. выразить естественный род. Однако у большинства имен существительных отнесенность к тому или иному роду с точки зрения современного языка не мотивирована. Она кажется пережитком давних эпох, остатком иного язычного строя, когда в делении имен на грамматические классы отражалась свойственная той стадии мышления классификация вещей, лиц и явлений действительности.

Грамматическая категория рода характерна прежде всего для языков флективных, обладающих синтетической флексией. В этих языках богатство флективного изменения обычно сочетается с наличием грамматического рода и приемов согласования (ср. Isačenko, 1954, 71–73).

Многие языковеды выделяют существительные в славянских языках, обозначающие людей и животных, в особую группу „одушевленных“ предметов. Например, В. В. Виноградов (1972, 58) говорит о „грамматической категории“ одушевленности и неодушевленности. В пределах одушевленных существительных он усматривает особую грамматическую категорию лица. Последнее издание академической грамматики русского языка выделяет в особую группу имена существительные со значением лица мужского и женского пола – существительные названия лиц (ср. Шведова, 1980, 467–468). В количественном отношении существительные мужского рода преобладают. Это объясняется как внеязыковыми социально-

но-историческими условиями, так и собственно языковыми причинами. Слова мужского рода прежде всего заключают в себе общее понятие о человеке, обозначают его социальную или профессиональную принадлежность независимо от пола. Поэтому слова мужского рода могут применяться к лицу как мужского, так и женского пола. Основным грамматическим признаком личных существительных считаются прежде всего словообразовательные суффиксы мужского рода и соотнесенные с ними суффиксы женского рода. Наименования женщин всегда выступают как коррелятивные к мужским и производные от них по форме (ср. русск. *учитель* – *учительница*, *журналист* – *журналистка*, *царь* – *царица*, *граф* – *графиня*; чешск. *učitel* – *učitelka*, *soused* – *sousedka*, *kolega* – *kolegyně*, *úředník* – *úřednice*). Отношения иного рода, т. е. когда имя лица мужского пола вторично по отношению к имени лица женского пола, редки, ср. русск. *вдова* – *вдовец*, *ведьма* – *ведьмак*, *дыра* – *дырак*; чешск. *vdova* – *vdovec*, *kmotra* – *kmotr*, *paní* – *pán*, *pastorka* – *pastorek*, *přadlena* – *přadlák*, *pradlena* – *pradlák*, *baletka* – *baleťák* (разг.).

Русский язык в сопоставлении с чешским неоднороден с точки зрения степени регулярности и широкоупотребительности женских коррелятивов. В этом отношении резко противопоставлены кодифицированный литературный язык в его официально-деловом стиле и русский язык в разговорном и просторечном стиле, в котором женские наименования образуются легче и употребляются чаще (ср. Земская – Китайгородская – Ширяев, 1981, 99–102). Родовые пары являются основным исходным пунктом для исследования наименований живых существ женского пола. Из всего комплекса этих наименований следует, что в подавляющем большинстве женские наименования зависят от наименования лиц мужского рода (не только в плане значения, но и в плане выражения). В этой связи речь идет о т. наз. словообразовательной категории женскости (ср. Земская, 1992, 147–149), которая относится к универсальным языковым категориям. В русском и чешском языках они реализуются в наименовании женщин и самок животных посредством словообразовательных процессов. Словообразовательное значение женскости осуществляется прежде всего в составе словообразовательных парадигм существительных наименований лиц; они вычлениваются из состава конкретной лексики на основании общего признака „название человека“. Основанием для включения этих слов в класс наименований лиц служат их языковые характеристики, в частности наличие категории одушевленности (ср. Капраль, 1999). Поэтому в настоящей статье мы ограничимся только анализом существительных женского рода, обозначающих лиц.

Подавляющее большинство имен лиц женского пола – это профессиональные наименования, потому что в ходе XX века продолжался процесс осваивания многих занятий женщинами. Высокая регулярность появления дериватов со словообразовательным значением женскости в парадигмах наименования лиц позволяет остановиться на некоторых ограничениях реализации данного значения в словообразовательных системах исследуе-

мых языков. На уровне данной словообразовательной категории весьма заметны лексические ограничения: зачастую оппозиция по полу выражается на лексическом уровне, ср. русск. *мужчина – женщина, муж – жена, отец – мать, папа – мама, отчим – мачеха, дядя – тётя, дедушка – бабушка, сын – дочь, пасынок – падчерица, брат – сестра, зять – невестка, мальчик – девочка, юноша, парень – девушка, шурин – свояченица, золовка – деверь, балерина – танцовщик* и т. п.; чешск. *muž – žena, otec – matka, tatínek – maminka, otčím – macecha, dědeček – babička, bratr – sestra, syn – dcera, synovec – neteř, zeť – snacha, chlapec – děvče, hoch – dívka, baletka – tanečník* и т. д. В данном случае речь идет о т. наз. двучленных семантически противопоставленных одушевленных именах существительных с двумя маркированными членам (ср. Рожкова, 1987, 25). В указанной группе рассматриваются противопоставленные словарные пары, родовые различия которых выражены лексически.

Более многочисленной является группа, содержащая пары одушевленных существительных, родовые различия в которых выражаются с помощью различных словообразовательных формантов. Выстраивается, таким образом, вереница семантически соотносительных пар, коррелятивных слов, в которых женский род обозначается производным суффиксом и окончанием. Как раз самую отчетливую группу среди наименований лиц женского рода образуют производные имена, которые возникают как парный член к имени существительному мужского рода с помощью словообразовательных суффиксов. Иными словами, это наименования, относящиеся к словообразующим родовым парам. Наименования женского рода, возникшие путем деривации с помощью словообразовательных суффиксов от существительных мужского рода, образуют не самостоятельную ономаσιологическую категорию, а категорию словообразовательную, которая проходит поперек остальных категорий, включающих наименования живых существ (ср. Hrušková, 1967, 536–551).

Существенным признаком всех женских наименований, образованных от существительных мужского рода, является их зависимость от соответствующих мужских имен. Непосредственной производящей основой для образования женского варианта считается всегда основа существительного мужского рода, к которому присоединяется производящий формант. У пары одушевленных существительных родовые отличия выражаются с помощью разнообразных словообразующих формантов. Возникает, таким образом, ряд семантически соотносительных пар, в которых женский род обозначается производящим суффиксом и окончанием. Производные женские корреляты у существительных наименований лиц образуются в русском языке главным образом при помощи двух суффиксов – *-к(а)* и *-иц(а)*.

Продуктивный суффикс *-к(а)* появляется в тех случаях, когда существительные мужского рода содержат *-ец*, *-анин* или *-ин*, соотносительные существительные женского рода не включают элементов *-ец* и *-ин*, ср. *литовец – литовка, эстонец – эстонка, венгерец – венгерка, баварец – баварка, швейцарец – швейцарка, американец – американка, татарин – та-*

тарка, рязанец – рязанка, киевлянин – киевлянка, горожанин – горожанка, односельчанин – односельчанка, крестьянин – крестьянка, хозяин – хозяйка, мусульманин – мусульманка. В других случаях суффикс *-к(а)* присоединяется прямо к основе существительного, ср. *сосед – соседка, студент – студентка, стипендист – стипендистка, интеллигент – интеллигентка, эмигрант – эмигрантка, спортсмен – спортсменка, пассажир – пассажирка, цыган – цыганка, курсант – курсантка, лаборант – лаборантка, активист – активистка, патриот – патриотка, москвич – москвичка, швед – шведка, грузин – грузинка, одессит – одесситка, солист – солистка, коммунист – коммунистка, революционер – революционерка, интриган – интриганка, аристократ – аристократка, блондин – блондинка*; у некоторых происходит чередование в основе, ср. *меланхолик – меланхоличка, католик – католичка, земляк – землячка, чудак – чудачка, историк – историчка, фронтовик – фронтовичка, большевик – большевичка, сибиряк – сибирячка, узбек – узбечка, пастух – пастушка, слуга – служанка, грек – гречанка*; немного в стороне стоят нерегулярные формы типа *китаец – китаянка, кореец – корейка, вор – воровка, плут – плутовка, чёрт – чертовка, гордец – гордячка, перс – персидка, баск – басконка, буржуа – буржуазка, губернёр – губернантка, негр – негритянка, поляк – полька (устар. полячка)*. Подобную ситуацию можно наблюдать в чешском языке. Суффикс *-k(a)* встречается тогда, когда существительные мужского рода содержат суффикс *-ec*, ср. *svičenec – svičenka, chráněmec – chráněnka, milenec – milenka, oslavenec – oslavenka, snoubenec – snoubenka, stoupenec – stoupenka, cizinec – cizinka, Japonec – Japonka, Němec – Němka, Slovinec – Slovinka*. В подавляющем большинстве случаев этот суффикс присоединяется к основе существительного, ср. *cvičitel – cvičitelka, učitel – učitelka, profesor – profesorka, doktor – doktorka, pisatel – pisatelka, trpitel – trpitelka, křesťan – křesťanka, malíř – malířka, krajčář – krajčářka, soused – sousedka, pacient – pacientka, Pražan – Pražanka, Říman – Římanka, Rus – Ruska*; у некоторых происходит или чередование основы (ср. *druh – družka, žák – žačka, pasák – pasačka, silák – silačka, horák – horačka, běloch – běloška, černoch – černoška, Čech – Češka*) или ее наращение (ср. *žid – židovka, hrabě – hraběnka, markrabě – markraběnka, Slovák – Slovenka*).

Следующий продуктивный суффикс *-иц(а)* присоединяется к основе существительного или прямо (ср. *мастер – мастерица, царь – царица, фельдшер – фельдшерица, император – императрица*), или – очень часто – к ее видоизменной форме (ср. *ученик – ученица, певец – певица, родственник – родственница, первоклассник – первоклассница, виновник – виновница, красавец – красавица, переводчик – переводчица, проводник – проводница, безбожник – безбожница, буфетчик – буфетчица, наладчик – наладчица, паломник – паломница*). К основам существительных мужского рода с суффиксом *-тель* присоединяется при образовании женских форм суффикс *-ниц(а)*, ср. *учитель – учительница, писатель – писательница, водитель – водительница, зритель – зрительница, сочинитель – сочинительница, слушатель – слушательница*. Как раз эта группа одушевленных су-

существительных мужского рода с суффиксом на *-тель* должна быть особо выделена среди соотносительных по словообразовательному признаку пар существительных мужского и женского рода. Эти существительные мужского рода на *-тель* противопоставлены существительным женского рода с двойным суффиксом *-тель-ниц(а)*. Именно эта родополовая противопоставленность выделяет эту группу слов из неодушевленных существительных (ср. *двигатель, выключатель, проигрыватель*). Чешский суффикс *-(n)ic(e)* заменяет прежде всего мужской суффикс *-ík, -ník*, ср. *pracovník – pracovnice, panovník – panovnice, úředník – úřednice, hříšník – hříšnice, řezník – řeznice, továrník – továrnice, poručík – poručice, dlužník – dlužnice, poběhlík – poběhlice*; однако *básník – básnířka, pokladník – pokladní*; у некоторых новообразований встречается суффикс *-k(a)*, ср. *právník – právníčka*; иногда женский суффикс *-ic(e)* заменяет суффикс *-ec*, ср. *světec – svěťice, krasavec – krasavice*. Следующим продуктивным суффиксом в чешском языке является *-(k)yně*, который встречается особенно после заднеязычных велярных консонантов, ср. *bůh – bohyně, kolega – kolegyně, tchán – tchyně, žák – žákyně, pastorek – pastorkyně, svědek – svědkyně, sok – sokyně, rek – rekyně, Řek – Řekyně, předseda – předsedkyně, umělec – umělkyně, vévoda – vévodkyně, rádce – rádkyně, odpůrce – odpůrkyně, obráncе – obráňkyně, jezdec – jezdкyně, letec – letкyně, potomek – potomкyně, přítel – přítelкyně, správce – správкyně, ministr – ministryně*.

Остальные суффиксы, с помощью которых у существительных наименования лиц образуются родовые пары, являются **н е п р о д у к т и в н ы м и**. Они прибавляются к неусеченной основе соотносительного существительного. Сначала следует упомянуть суффикс *-ш(а)*, который имеет широкое употребление в разговорном языке в первую очередь тогда, когда соответствующая специальность преимущественно женская (ср. *библиотекарь – библиотекарша, кондуктор – кондукторша, опекун – опекунша, секретарь – секретарша, билетёр – билетёрша, кассир – кассирша, почтальон – почтальонша*). При необходимости обозначить пол лица создаются дериваты с таким суффиксом и от нетипично женских наименований профессий и званий (ср. *доктор – докторша, инженер – инженерша, профессор – профессорша, декан – деканша, администратор – администраторша, кандидат – кандидатша, вахтёр – вахтёрша, агроном – агрономша, миллионер – миллионерша, великан – великанша*).

Следующий непродуктивный суффикс *-их(а)* считается более сниженным, чем *-ш(а)*. Наделен он резкой окраской грубости. Лишь несколько слов, наиболее часто употребляемых с ним, допускается в письменной речи (ср. *дворник – дворничиха, врач – врачиха, купец – купчиха, ткач – ткачиха, портной – портниха, пловец – пловчиха*).

Суффикс *-ын(я)//-ин(я)* входит в состав лишь нескольких слов, ср. *граф – графиня, герой – героиня, раб – рабыня, князь – княгиня, бог – богиня, герцог – герцогиня, инок – инокиня, монах – монахиня, шах – шахиня, монарх – монархиня*. Приблизительно с 60-х годов XX века он набирает продуктивность, начинает производить женские корреляты при необходимости обо-

значать женщину-специалиста (ср. *геологиня, филологиня, хирургиня, анестезиологиня*).

В 60-е годы XX века начинает приобретать продуктивность непродуктивный суффикс *-есс(а)*. Он производит теперь женские соответствия от наименований профессий, преимущественно заимствованных существительных, ср. *поэт – поэтесса, барон – баронесса, принц – принцесса, виконт – виконтесса, патрон – патронесса* (узуальное); новообразования: *хирург – хирургесса, психиатр – психиатресса, критик – критикесса, гид – гидесса, стюард – стюардесса*. В чешском языке также существует непродуктивный суффикс *-есс(а)*, который иностранного происхождения и употребляется он при образовании наименований дочерей, ср. *baronesa, komtesa*; или для обозначения женщины – *dogaresa* „žena dóžete“.

Существительные с непродуктивным суффиксом *-ис(а)* встречаются только в русском языке. Они мотивируются существительными простыми и с суффиксальным морфом *-тор* и имеют модификационное значение лица женского пола, ср. *актёр – актриса, аббат – аббатиса, диакон – диакониса, директор – директриса, инспектор – инспекториса, лектор – лекториса*.

Остается напомнить русский непродуктивный суффикс *-я(а)* (ср. *болтун – болтунья, гость – гостья, сват – сватья, колдун – колдунья, бегун – бегунья, хвостун – хвостунья, говорун – говорунья, певун – певунья, шалун – шалунья, игумен – игуменья, драчун – драчунья, лгун – лгунья, говорун – говорунья, прыгун – прыгунья, хохотун – хохотунья*).

Семантически соотносительные пары (коррелятивные слова) образуются также путем присоединения к основе существительного окончания *-а*, выполняющего функцию родовой форманты, ср. *кум – кума, раб – раба, супруг – супруга, господин – госпожа*. Подобную ситуацию можно наблюдать в ограниченных случаях в чешском языке (ср. *magistr – magistra*); с данным явлением можно встретиться особенно при образовании женских вариантов от мужских крестных имен (ср. *Pavel – Pavla, Karel – Karla, Petr – Petra, František – Františka, Josef – Josefa* ...).

Среди соотносительных по словообразовательному признаку пар слов могут быть в русском языке наименования, имеющие различную семантическую основу, ср. *машинист „strojvedoucí“ – машинистка „písařka“, мастер „mistr“ – мастерица „mistrová; vynikající odbornice; žena, která sklízí ve všem úspěchu, všechno se jí daří“, руководитель „vedoucí, vůdce“ – руководительница „vedoucí; vůdkyně; kápo“*.

Особое внимание следует обратить на имеющиеся в языке существительные мужского и женского рода, образованные от одного корня, но не составляющие коррелятивной пары по родополовому признаку: существительные мужского рода обозначают лицо, а существительные женского рода с суффиксом *-к(а)* называют неодушевленный предмет или помещение, ср. *пилот „pilot“ – пилотка „lodička, loďka“, матрос „námořník“ – матроска „námořnická blůzka“, кочегар „topič“ – кочегарка „kotelna, topírna, uhelná základna“, сторож „hlídač“ – сторожка „strážní budka, strážní domek“*.

Чешский язык, кроме выше приведенных, располагает еще двумя непродуктивными суффиксами, с помощью которых возникают названия женских лиц: $-(ov)n(a) // -(ev)n(a)$, посредством которого образуются наименования феодальных чинов, ср. *kněžna, šlechtična* (> *slečna*), *panna* (первоначально „*pápnova dcera*“, т. е. дочь барина), *princezna, královna, císařovna, carevna*; от некоторых мужских имен на *-ec*: *stařec – stařena, tkadlec – tkadlena*; $-(ov)(á)$: (*dámská*) *krejčová, švagrová, radová* „*žena v hodnosti rady*“, *šéfová, mistrová*. С помощью этого суффикса раньше образовались наименования жен, ср. (*paní*) *radová, mistrová, doktorová, poštmistrová, křivcová, inženýrová ...* .

Следует упомянуть также субстантивированные прилагательные, которые образуют женские формы посредством адъективного окончания женского рода *-ая*, ср. русск. *дежурный – дежурная, служащий – служащая, учащийся – учащаяся*; однако *рабочий – работница, портной – портниха, нищий – нищенка*; чешск. *známý – známa, vrátňý – vrátňa, nemocný – nemocná, obžalovaný – obžalovaná, raněný – raněná, hajný – hajná, hostinský – hostinská, hospodský – hospodská* и т. п.

Экстралингвистическими причинами обусловлено непоявление дериватов со значением женскости в парадигмах наименования лиц некоторых тематических и лексико-семантических групп. Так, например, есть немало профессий, званий, титулов, которые по объективным причинам (например, из-за тяжелого физического труда) или по традиции присущи только мужчинам, ср. русск. *кузнец, носильщик, адмирал, полицмейстер, губернатор, танкист, палач, боксёр, сержант, лейтенант, генерал, штурман, сапёр, кавалерист ...*; чешск. *zedník, kovář, nosič, hutník, horník, havíř, mechanik, opravář, údržbář, admirál, tankista, ženista* и т. п. У некоторых названий, наоборот, не было нужды образовать соответствующее мужское название. Это касается прежде всего некоторых типично женских названий профессий, ср. русск. *машинистка, сиделка, няня, медсестра, горничная, прачка, натурица, роженица, кормилица, прислуга ...*; чешск. *hosteska, služebná, rodička, kojňá, modistka, modelka, pradelna, letuška ...* . Следует также отметить, что небольшая группа русских существительных, обозначавших ранее только лиц женского пола в связи с закрепленностью некоторых профессий только женщинами, получает в языке соответствующие новообразования для названия лиц мужского пола, ср. *дойрка – дояр, уборщица – уборщик*; в отдельных случаях отмечаются и аналитические формы, ср. *машинистка – переписчик на машине*.

Сдерживающим фактором, препятствующим образованию дериватов со значением женскости, выступает и наличие в исследуемых языках т. наз. существительных общего рода. В русском языке это слова на *-а//-я*, ср. *сирота, пьяница, убийца, плакса, обжора, запевала, неряха, зубрила, невежа, тихоня, размазня, умница...* . Эти слова могут согласоваться как с мужским, так и с женским родом в зависимости от естественного рода (ср. *Он – круглый сирота, Она – круглая сирота, Наш плакса ревел весь вечер, Эта соня проспала весь день*). В чешском языке таких слов немного, ср. *host,*

národopisec, choť, vítěz, lakomec, lenoch, sirotek, nemluva, nešika, neposeda, nezbeda, nestyda, potomek, mazlíček, rváč... . Грамматически это существительные мужского или женского рода, которые могут обозначать без изменения рода и формы лица мужского и женского пола (ср. *Ten chlapec je úplný sirotek, Ta dívka je úplný sirotek, On je taková nešika, Dcera je náš jedináček, Petra je strašný lakomec, Náš fňukal* /речь может идти и о мальчике, и о девочке/ *řval celý večer, Ten ospalec* /речь может идти и о мальчике, и о девочке/ *prospal celý den*). Ядро данных слов представляют т. наз. предикативные имена, выступающие, как правило, в роли предиката (ср. *Pavel je hrozný lenoch, Marie je náš host*). В таких случаях употребляются, как правило, имена мужского рода, реже встречаются имена женского рода (ср. *On je taková troska, Ten chlapec je úplná sirota*), иногда также среднего рода (ср. *On je hotové nemehlo, Ona je učiněné trdlo*) большей частью с экспрессивной оценкой. Существительные общего рода имеют в обоих языках относительно небольшую численность, однако в русском языковеды отмечают тенденцию к увеличению общего числа таких наименований за счет тех наименований лиц мужского рода, которые могут называть и женщин. Такое явление происходит, по-видимому, в силу большей (по сравнению с существительными женского рода) обобщенности существительных, называющих мужчин (ср. Виноградов, 1972, 59). Подобная обобщенность ярче проявляется в книжном стиле русского языка. Рост существительных мужского рода, называющих женщин, в настоящее время лингвисты склонны трактовать как проявление тенденции развития русского языка от синтетического строя к строю аналитическому. Дело касается особенно существительных мужского рода, обозначающих профессии, должности и т. п. По своей форме они относятся к мужскому склонению и могут обозначать и мужчину, и женщину, ср. *доктор, доцент, профессор, педагог, врач, инженер, архитектор, техник, специалист, работник, математик, зоолог, философ, филолог, нотариус, директор, бригадир, секретарь, член, знаток* и т. п. Хотя приведенные слова могут обозначать в русском языке мужчину и женщину, они не могут согласоваться с атрибутивным прилагательным или местоимением женского рода, ср. *Она – прекрасный педагог, Она – надёжный работник, Она – опытный специалист*. В предикативном употреблении прилагательное согласуется с естественным родом, ср. *Директор нашей школы очень строгая*. Иными словами, при обозначении лица женского пола сказуемое обычно получает форму женского рода (по семантическому признаку), а определение чаще тяготеет к форме мужского рода определяемого существительного (действие морфологического фактора). Однако в разговорной речи, если есть необходимость подчеркнуть, что именно женщина является действующим лицом, для данной группы слов используются формы согласования в женском роде, ср. *И вдруг вошла та самая доктор Иванова, которая была тут вчера*.

Мужские существительные в русском языке применяются к лицам женского пола особенно в официальной речи. Так, например, военные чины, в отличие от чешского языка, не имеют особой женской формы, ср. русск.

старший лейтенант Васильева, капитан Кучкова, майор Рябинина Х чешск. *nadporučice Slavíková, kapitánka Hříbková, majora Pravdová*.

В чешском языке число существительных, применяющихся без изменения к мужчинам и женщинам, весьма ограничено. Это связано с большей стандартностью приемов словообразования. В подавляющем большинстве случаев в чешском языке имеются особые словообразовательные средства для обозначения лиц женского пола, о которых шла речь выше. Однако иногда также появляются такие случаи применения существительных обшего рода, как *Kolegyně Karásková je zkušený odborník, Vyjádřila se k tomu sobu akademický funkcionář, Jana je nyní předsedou pobočky*.

До сих пор встречаются в русском разговорном языке наименования лиц женского рода, которые обозначают своей формой жену в зависимости от профессии мужа, ср. *директорша* (= жена директора), *докторша* (= жена доктора), подобно: *профессорша, инженерша, министерша, начальница* или устаревшее *купчиха* и т. д. Указанные суффиксы *-ш(а)*, *-их(а)* считаются в современном русском литературном языке непродуктивными. В речи школьников применяются формы наименования лиц женского рода, которые имеют более узкое семантическое значение, ср. *ботаничка* „učitelka botaniky“, *математичка* „učitelka matematiky“, *химичка* „učitelka chemie“, *географичка* „učitelka zeměpisu“... .

Единично создаются в русском языке к существительным мужского рода со значением профессии и общественной занятости лиц, которые не располагают соответствующими словами женского рода, аналитические формы с субстантивными компонентами *женщина, девушка*; они присоединяются препозитивно к существительным мужского рода, ср. *женщина-врач, девушка-секретарь, женщина-учёный, девушка-продавец*. Данные аналитические выражения представляют собой переходный и непродуктивный способ дифференциации грамматического рода существительных, обозначающих наименования лиц женского рода. Они были созданы искусственно; в живом разговорном языке они не употребляются (ср. Kubík, 1956, 128).

Однако с растущим развитием эмансипации женщин, их активизацией в общественной и производственной сферах последних десятилетий нарастает большое количество слов, служащих обозначениями лица по должности или профессии; они обросли суффиксами женского рода, преодолевая сопротивление старых грамматических моделей и изменяя их. Возникли многие парные названия для лиц мужского и женского рода, с тех пор, как в общественном быту соответствующие места, должности и занятия вошли в сферу женского труда. Появились наименования лиц женского рода с вышеописанными суффиксами в парадигмах наименования лиц различных лексикосемантических групп, ср. *космонавтка, прессовщица, трактористка, каратистка, штангистка водолыжница, дзюдоистка, марафонка, аккумуляторщица, счетоводша, завклубша, президентша, каскадерша, клоунесса, авторесса, скульпторша* и т. д. (ср. чешск. *kosmonautka, tisková mluvčí, traktoristka, karatistka, vzpěračka, džudistka, maratonka, prezidentka, kaskadérka, fotbalistka* и т. д.).

Появление русских дериватов в парадигмах таких наименований лиц зафиксировано еще в начале XX века (ср. кодифицированные формы, как *губернаторша, попадья, адмиралша, графиня, бондарыха* и т. п.) и свидетельствует оно чаще всего о реализации не значения женскости, а „жена лица, названного мотивирующим словом“. В современном русском литературном языке такие дериваты под влиянием социальных факторов приобрели стилистически сниженный характер, хотя в начале XX века они считались стилистически нейтральными.

Из вышесказанного следует, что наиболее продуктивными словообразовательными формантами при реализации данных дериватов в современном русском литературном языке выступают суффиксы *-ниц(а)* (ср. *отличник – отличница*), *-щиц(а)//-чиц(а)* (ср. *продавец – продащица, переводчик – переводчица*), *-к(а)* (ср. *студент – студентка*); реже дериваты со значением женскости в литературном языке реализуются с помощью суффикса *-ш(а)* (ср. *кассир – кассирша*), который по мнению Е. А. Земской (1992, 155), является лидером среди стилистически маркированных словообразовательных средств. С их помощью осуществляется данное словообразовательное значение. Единичны производные слова, образованные посредством иных аффиксов, ср. *прозаикесса, шефиня*; в силу малопродуктивности этих словообразовательных суффиксов они воспринимаются носителями языка как экспрессивно окрашенные, что, в свою очередь, способствует их появлению на страницах периодических изданий. Как раз стилистически окрашенные суффиксы *-их(а), -ин(я), -ш(а), -есс(а)* (ср. *врачиха, ёгиня, агрономша, хирургесса*) используются, по Е. А. Земской (1992, 155), для придания выразительности, что весьма характерно для языка современных масс-медиа.

Образование наименований лиц женского рода в чешском языке в сопоставлении с русским происходит более последовательно; с точки зрения развития чешского языка оно является продуктивным процессом. Особенно живым он был в народной речи, откуда он стал проникать в литературный язык.

Приводимый в настоящей статье иллюстративный материал был получен прежде всего из лексикографических источников, в частности из обратных словарей русского и чешского языков. Что касается русского языка, то на основании исследования современных лексикографических данных, далее материалов масс-медиа и художественной литературы можно квалифицировать словообразовательное значение женскости как одно из наиболее высокорегулярных и высокопродуктивных на современном этапе его развития.

ЛИТЕРАТУРА

- ВИНОГРАДОВ, В. В.: *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Издание второе. Москва, „Высшая школа“, 1972.
- ВИНОКУР, Г. О.: *Заметки по русскому словообразованию*. In: *Избранные работы по русскому языку*. Москва, „Учпедгиз“, 1959, 419–442.

- ЗАЛИЗНЯК, А. А.: *Грамматический словарь русского языка*. Москва, „Русский язык“, 1977.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А.: *Словообразование*. In: Современный русский язык. Под ред. В. А. Белошапковой. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Москва, „Высшая школа“, 1989, 237–379.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А.: *Словообразование как деятельность*. Москва, „Наука“, 1992.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А. – КИТАЙГОРОДСКАЯ, М. В. – ШИРЯЕВ, Е. Н.: *Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. Москва, „Наука“, 1981.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А. (ред.): *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. 2-е изд. Москва, „Языки русской культуры“, 2000.
- КАПРАЛЬ, М. И.: *Словообразовательная категория женскости в современных восточнославянских языках*. In: Пятьдесят лет сегедской славистике. Институт славистики Сегедского университета им. Аттилы Йожефа, Сегед, 1999, 215–222.
- ПРОТЧЕНКО, И. Ф.: *Лексика и словообразование русского языка советской эпохи: социолингвистический аспект*. Москва, „Наука“, 1975.
- РОЖКОВА, Г. И.: *Очерк практической грамматики русского языка*. Москва, „Высшая школа“, 1987.
- ТИХОНОВ, А. Н.: *Словообразовательный словарь русского языка I-II*. Москва, „Русский язык“, 1985.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.): *Русская грамматика I*. Москва, „Наука“, 1980.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. – ЛОПАТИН, В. В. (ред.): *Русская грамматика*. Изд. 2-е, исправленное. Москва, „Русский язык“, 1990.
- ШЕВЕЛЕВА, М. С. (ред.): *Обратный словарь русского языка*. Москва, „Советская энциклопедия“, 1974.
- ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, Н. А.: *Наименования лиц женского и мужского рода*. In: Развитие словообразования современного русского языка. Москва, „Наука“, 1966.
- HAVRÁNEK, V. (red.): *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy I. Hláskosloví a tvarosloví*. SPN, Praha 1976³.
- HAVRÁNEK, V. – JEDLIČKA, A.: *Česká mluvnice*. SPN, Praha 1981⁵.
- HRUŠKOVÁ, Z.: *Jména přechýlená*. In: Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen. Academia, Praha 1967, 536–551.
- ISAČENKO, A. V.: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким I*. SAV, Bratislava 1954.
- KARLÍK, P. – NEKULA, M. – RUSÍNOVÁ, Z. (red.): *Příruční mluvnice češtiny*. Lidové noviny, Praha 1996.
- KUBÍK, M.: *Ženské osobní názvy v ruštině a češtině*. Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury 1 (1956), 115–130.
- PETR, J. (red.): *Mluvnice češtiny I, 2*. Academia, Praha 1986.
- SLAVÍČKOVÁ, E.: *Retrográdní morfoloický slovník spisovné češtiny*. Academia, Praha 1975.
- ŠMILAUER, V.: *Novočeské tvoření slov*. SPN, Praha 1971.
- TEŠTELOVÁ, M. – PETR, J. – KRÁLÍK, J.: *Retrográdní slovník spisovné češtiny*. Academia, Praha 1986.

ZVLÁŠTNOSTI VYJÁDRĚNÍ KATEGORIE RODU U ŽIVOTNÝCH SUBSTANTIV V RUŠTINĚ A ČEŠTINĚ

V ruštině a češtině jsou substantiva podřizena rodové kategorii. Živé bytosti se v obou jazycích pojmenovávají ve shodě s přirozeným, biologickým rozlišením rodovým podstatnými jmény mužského nebo ženského rodu. Mezi těmito pojmenováními bývá přímá korespondence. Ve většině případů se vytvářejí tzv. rodové dvojice. Zvláštní skupinu představují substantiva obourodá. Podle mluvnické povahy jmen rozlišujeme dvě skupiny rodových dvojic: slovotvorné a neslovotvorné. Ve dvojici slovotvorné se v převážné většině vyskytuje jméno označující ženskou bytost jako jméno odvozené zpravidla slovotvornou příponou na základě jména mužského rodu. V odborné literatuře se v této souvislosti hovoří o tzv. slovotvorné kategorii ženskosti, která se řadí k univerzálním

jazykovým kategoriím. Rodové dvojice jsou základním východiskem pro zkoumání názvů živých bytostí ženského rodu. V našem příspěvku se ve svých výkladech omezujeme jen na jména osob.

Ruština (mnohem častěji než čeština) velmi často nepřechyluje, a užívá tedy mnoho substantiv jako vespolných. Tento jev se vysvětluje jako jeden z projevů tendence vývoje jazykového systému ruštiny směrem k analytismu. V češtině je ve srovnání s ruštinou přechylování provedeno mnohem důsledněji a z historického hlediska se jeví jako proces produktivní. Četné novotvary s ženskými příponami v současné ruštině (především v jazyce hovorovém) svědčí o tom, že i v ruštině se přechylování stává procesem produktivním.

Aleš Brandner
Ústav slavistiky
Filozofické fakulty MU
Arna Nováka 1
602 00 Brno